

УДК 504.75:32

Кузнецова А. А.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4, Российская Федерация

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ БИОПОЛИТИКИ КАК НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

АННОТАЦИЯ

Цель. Комплексный анализ и рассмотрение эволюции содержательной и семантической составляющих биополитики как научного направления политологических исследований.

Процедура и методы. Отобраны и проанализированы работы как отечественных, так и англоязычных представителей в области изучения биополитики; рассмотрены различные подходы в рамках данного направления исследований. В работе использованы герменевтический и сравнительно-исторический методы.

Результаты. Выявлены специфические черты, характерные для разных подходов в рамках биополитики, а также определены тенденции дальнейшего развития её научного поля.

Теоретическая и/или практическая значимость. В работе представлена систематизированная история эволюции – как исследований, объединённых названием «биополитика», так и их понятийного оформления, что позволяет прояснить суть и взаимосвязь различных биополитических штудий. В то же время выделенные тенденции развития помогают показать возможные направления дальнейших исследований в русле биополитики и векторы практического применения теоретических разработок в контексте реализации управленческих мер.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

биополитика, биополития, биовласть, концепция «полного мира»

СТРУКТУРА

Введение

Предпосылки становления биополитики

Институционализация и направления биополитики

Классические и новые концепции биополитики

Биополитика в XXI в.

Закключение

A. Kuznetsova

*Lomonosov Moscow State University
27 k. 4 Lomonosovskii pr-t., Moscow 119991, Russian Federation*

HISTORY OF BIOPOLITICS' FORMATION AS AN APPROACH OF POLITICAL STUDIES

ABSTRACT

Aim. This paper aims at a comprehensive analysis and consideration of biopolitics' content and semantic components evolution as a type of scientific approach in political science research.

Methodology. For this study were selected and analyzed the works of both Russian and foreign representatives in the field of biopolitics, on the basis of which various approaches were considered in the framework of this research area. Hermeneutic and comparative historical methods were used in this paper.

Results. The specific features characteristic of different approaches within the framework of biopolitics were revealed, and trends in the further development of its scientific field were determined.

Research implications. The theoretical and practical significance of the study lies in the fact that the work presents a systematized history of the evolution of both research, united by the name "biopolitics", and its conceptual design, which makes it possible to clarify the essence and interconnection of various biopolitical studies. At the same time, the identified development trends help to show possible directions of further research in the mainstream of biopolitics and vectors of theoretical developments' practical application in the context of the implementation of management measures.

KEYWORDS

biopolitics, biopolitics, biopower, "full world" concept

ВВЕДЕНИЕ

В рамках данной статьи поднимается вопрос исторического исследования понятия «биополитика». В русскоязычной и англоязычной традициях под термином «биополитика» зачастую понимаются различные политологические феномены. Вследствие этого можно говорить о наличии разных подходов в контексте рассмотрения биополитики как направления политологических исследований. На основе анализа различных по своей направленности и методологии англоязычных и русскоязычных источников, позволяющих рассмотреть эволюцию научных взглядов по данной проблематике, автор ставит перед собой цель составления непротиворечивой научной картины, дающей возможность осознать суть понятия «биополитика», а также выявить область практического применения методологии и разработок, развивающихся в рамках данного научного направления исследований, в контексте реализации практикоориентированных управленческих мер. Ради достижения поставленной цели автором последовательно решаются соответствующие

задачи: будут проанализированы научные предпосылки становления биополитики как направления научных исследований, рассмотрен процесс её институционализации, будет проведён исторический обзор различных подходов и научных школ, которые по-разному отвечали на вопрос о методологии и объекте биополитики; проанализируется концепция биополитики М. Фуко, а также будет представлен обзор современных подходов к исследованиям в рамках биополитики.

ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ БИОПОЛИТИКИ

В качестве предыстории становления биополитики можно рассматривать формирование, существование, развитие и упадок различных культурно-философских парадигм, таких как мифологическая, натурфилософская, теологическая, механистическая, эволюционная, социогуманитарная. В рамках каждой из них по-разному рассматривались место человека в окружающем мире и его организующая и деятельностная функции. Например, в контексте натурфилософии подобное научное объяснение происходило через предбиополитические сопоставления социальной жизни человека и биологических процессов окружающей его среды, в контексте механистической парадигмы – через «механизацию» человека и одновременно натурфилософские взгляды на природу жизни. В качестве теоретических предпосылок формирования биополитики отчасти можно рассматривать некоторые установки, характерные для философских работ Ф. Ницше и А. Бергсона, в которых сам термин «биополитика» ещё не использовался.

В 1920 г. шведский учёный Р. Челлен стал одним из первых исследователей, выдвинувших полноценную концепцию биополитики, изучаемой как специальная научная дисциплина. Согласно его взглядам в качестве предмета биополитики должны были рассматриваться взаимодействия социальных групп через отношения борьбы – сотрудничества, напряжённой конкуренции за право обладания ресурсами, обеспечивающими возможность существования, в которых одной из сторон выступало государство.

В тот же период представители национал-социалистических взглядов выдвинули свою версию трактовки биополитики, в которой в качестве акторов исторического процесса выступали закрытые сообщества, обладающие общим генетическим наследием. Они рассматривали биологические характеристики человека как подверженные модификациям и контролю, а теоретической предпосылкой данного направления биополитики служила методология, позаимствованная из геополитики и биологии, а также расистских учений [27].

В 60–70-е гг. XX в. можно говорить о возникновении совокупности различных биополитических течений, таких как: *экологическая* (развивавшаяся на базе Римского клуба [9]) и *технологическая* (развивавшаяся на базе тех-

нологий, применяемых в генетических и репродуктивных исследованиях, в рамках биоэтик [18]) биополитики [5], а также *биополитология* (в цели которой входило создание государства, оптимально распределяющего ресурсы для рационального удовлетворения потребностей человека как биологического, общественного и культурного представителя своего вида [14]).

Собственно, и сам термин «биополитика», или «биополития», (*biopolitics / biopolicy*) возник в научной литературе в начале 60-х гг. XX в. [13, с. 264].

«Поворот к натурализму», т. е. повышенное внимание к биологическим предпосылкам в контексте изучения общественно значимых процессов, акцент на биологическую предопределённость человеческого поведения в обществе, в социальных и гуманитарных науках в середине прошлого века обусловил формирование биополитики как направления научных исследований. В качестве родоначальников биополитики как современного направления научного политологического знания можно назвать таких политологов, как Р. Мастерс, Л. Колдуэлл, С. Петерсон, А. Сомит, П. Корнинг, Т. Виджел, Г. Шуберт и др. В 60–70-е гг. XX в. в политологии оформились важные научные установки и теории в рамках таких парадигм, как системный подход (Дж. Алмонд, Д. Истон и др.) и бихевиорализм, которые послужили строительным материалом для формирования биополитики. В контексте системного подхода биополитика приобрела методологию сопоставления биологических и политических систем на основе их кибернетических свойств и наличия механизмов к саморегуляции. В контексте же бихевиорализма биополитика приобрела установку изучения поведения людей в политической сфере с учётом биологической предопределённости этого поведения.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ БИОПОЛИТИКИ

В рамках биополитологии выделяются несколько различных научных школ: «американская (Л. Колдуэлл [15], Р. Мастерс [26], А. Сомит [28] и др.), немецкая (Х. Флор [21] – ряд работ которого посвящены рассмотрению бюрократии с точки зрения биологии; В. Таннесман [22] и др.), голландская (В. Фалгер [20], Ван дер Деенен [29] – эти работы в основном посвящены изучению конфликтов с точки зрения природной детерминации человека как вида, исследованию феномена этноцентризма и рассмотрению межэтнических конфликтов с позиции биологической природы людей), греческая (А. Влавianos Арвантис [30] – исследователи рассматривают биополитику как политику по сохранению биологического разнообразия живого на планете Земля, биоса, а также говорят о развитии биодипломатии, понимаемой как формирование системы международного сотрудничества по вопросам охраны биоокружения, для участия учёных и политических лидеров разных стран в создании биоцентрического общества)» [13, с. 264]. В нашей стране систематическое

рассмотрение биополитики содержится в работах А. В. Олескина [8] (Москва) и В. С. Степанова [10] (Санкт-Петербург).

Институализация биополитологии как дисциплины проходила параллельно с оформлением биоэтики Р. Ван Поттера.

В англо-американской научной литературе «biopolitics» – это термин, которым обозначается политическое включение базовых концепций биологии и биологических технологий в культурную и экономическую сферы общества, «biopolitics» – это термин, посредством которого обозначается неизбежность биологического детерминирования социальных и политических процессов и феноменов (через призму генетических предопределённости и эволюционных процессов). Речь идёт о пересекающихся понятиях.

КЛАССИЧЕСКИЕ И НОВЫЕ КОНЦЕПЦИИ БИОПОЛИТИКИ

Возникновение новых концепций в русле биополитики в первую очередь вызвано изменениями самого характера современной жизни и современного знания. Политика, а также способы её осмысления трансформируются, что даёт начало существованию новых типов политики. В частности, например, Э. Гидденс понимает под политикой жизни «радикальные обязательства», через которые реализуется процесс поиска возможностей для «обеспечения наилучшей жизни для всех» [23, p. 156]. Таким образом, частично речь в данном случае идёт об обеспечении лучшего качества жизни, немалую роль в реализации чего играет биотехнологическое улучшение. Э. Гидденс придерживается взглядов, в соответствии с которыми трансформация отношения к индивидуальному телу способствует формированию нового типа социальности, что, в свою очередь, предполагает необходимость трансформации «техник управления» [24, p. 224] данной социальностью.

Более разработанной является версия возникновения и развития биополитики, предложенная М. Фуко [11; 25]. С точки зрения М. Фуко, форма проявления власти суверена изменилась: если ранее власть суверена основывалась на изъятии им у индивида части его продукции или услуг (оброк / барщина) взамен на своё покровительство ему и обещание помощи в достижении благостной загробной жизни, то современная рациональность правителя, начиная с XVI – начала XVII вв., строится на том положении, что государство имеет место только по отношению к самому себе и только для себя самого. Либеральная биополитика строится на основе совокупности технологий управления и либеральных форм социального регулирования и контроля над жизнью индивида, а также насаждения культуры опасности. В биополитическом смысле администрирование в подобном государстве принимает форму контроля над «показателями» здоровья индивида как рабочей силы, а биополитическая стратегия реализуется прежде всего через медицину [7, с. 137].

М. Фуко впервые начинает использовать и интерпретировать термин «биополитика» и связанные с ним понятия, такие, как «биовласть» и «био-история», в своих трудах конца 1970-х – начала 1980-х гг. В рамках своей биополитической концепции М. Фуко рассматривал взаимозависимость власти и знания с учётом того факта, что значительное воздействие на данный процесс оказывает политическая рациональность, которая является определяющим фактором становления и развития биополитики как подхода [2, с. 33]. В интерпретации М. Фуко биополитика может пониматься как способ рационализации проблем в контексте реализации практики управления касательно феноменов, свойственных населению как живому объекту управления (а именно, здоровье, смертность, рождаемость, продолжительность жизни, гигиена и т. п.). Данный подход начал использоваться с XVIII в. и непосредственно определяется рамками политической рациональности [11, с. 405].

В качестве метафоры, иллюстрирующей сущность модели биополитической рационализации управления населением и его подчинения, М. Фуко использует образ «корабля дураков», что означает алгоритм, в соответствии с которым цель реализуемых действий (путешествия) определялась извне (властью), порядок и правила действия в пределах самого корабля устанавливались изнутри (в соответствии с конфигурацией корабля и прочими характеристиками), но сама конечная цель данного проекта имела смысл лишь для присутствующего на корабле экипажа, но не для пассажиров (поскольку последние имели помутнённый разум). Применительно к государственной политике данная метафора показывает, что биополитическая стратегия формируется в зависимости от внешних угроз при учёте внутренних характеристик и специфических особенностей устройства национальных государств, она применяется в отношении населения для достижения конкретной политической цели, но населением в полной мере рационально не осознаётся [2, с. 35].

В работе М. Фуко «История безумия в классическую эпоху» (1972) биополитика рассматривается автором одновременно в качестве формы существования власти (биовласти, выступающей в качестве так называемого конституирующего начала, но не метонимии биополитики [3, с. 63]) и деятельности, имеющей своей целью управление населением для реализации определённой политической идеи [11, с. 405].

Согласно взглядам М. Фуко, стратегия биовласти предполагает реализацию такой тактики управления, в рамках которой с точки зрения конкретно подобного типа политической рациональности сопротивление становится невозможным, так как предполагает возможность возникновения сомнения в легитимности доминирующего типа рациональности [4, с. 73]. Когда же для сомнения не остаётся места, власть приобретает безграничные возможности. В связи с развитием научного знания происходит процесс усложнения социально-политических связей; в контексте биополитики особое значение

в данном ключе, с позиции М. Фуко, приобретает прогресс в области медицинских наук. Развитие техник реализации биовласти в своих рассуждениях Фуко связывает с «продвижением процесса медиализации в Европе в начале XVIII в.» [4, с. 73]. В обозначенный период появляется возможность оказания политического воздействия не столько посредством идеологии через манипуляции сознанием, но посредством контроля «в теле и вместе с телом» [4, с. 73] (т. е. такие измерения, как соматическое, телесное, биологическое приобретают превалирующее значение, что означает, что в качестве биополитической реальности начинает выступать само тело, а в качестве биополитической стратегии используется медицина) [11, с. 82].

Последующее развитие биополитических стратегий, по мнению М. Фуко, имеет в своей основе экономические предпосылки, выступающие в виде основы реализующегося политического курса, целью которого становится обеспечение заботы о здоровье населения, рассматриваемого как совокупность государственных задач (например, составление статистики смертности и рождаемости, перепись населения и т. п.). М. Фуко исходит из предположения, что биополитические стратегии приобретают определённую специфику в зависимости от характеристик национальных государств, находя своё сущностное выражение в лице социальной медицины.

Медицина превращается в самостоятельную биополитическую стратегию или же составную часть комплекса стратегий инструментария государства [2, с. 37]. Например, для Германии, по мнению М. Фуко, характерен государственный тип медицины, для которого тела индивидов представляют интерес лишь в контексте их способности обеспечивать мощь государства в условиях реальных и потенциальных угроз и вызовов различного происхождения. В то же время для Франции, с точки зрения Фуко, характерен более урбанистический тип биополитической стратегии, что предполагает акцентирование внимания на проблематике локальных процессов, непосредственно связанных с устройством городов и жизни в городе, что можно объединить под понятием прототипа экологической политики государства. В данном случае подобная городская политика предполагает использование знаний из области химии и медицины с целью обеспечения наиболее благоприятных условий жизни граждан и их контроля через «медицину условий жизни и среды обитания» [12, с. 99]. Наиболее актуальной схемой реализации власти посредством объединения разрозненных социальных групп в черте города под эгидой регламентированной системы правления является карантин, известный ещё со времён Средневековья, XVIII в., благодаря которому становится возможным непрерывный анализ состояния городского населения, а следовательно, и сохранение контроля над городом [12, с. 90].

Для биополитической стратегии Великобритании характерно сочетание черт государственной политики, свойственной Германии, а также со-

циальной, специфичной для Франции. По мнению Фуко, английская модель биополитики позволила реализовать как наиболее общий уровень биополитических мер посредством ведения объединённой статистики соблюдения общественной гигиены, так и частный уровень мониторинга здоровья и силы рабочей категории населения, а также обеспечить меры по реализации помощи бедным, что способствовало обеспечению безопасности богатых классов от различных потенциальных угроз [12, с. 106].

Таким образом, новый тип социальности, предполагающий отдельного индивида как производительную единицу, формируется на рубеже XVIII–XIX вв. и рассматривает биологические особенности и состояния отдельно взятых индивидов в качестве факторов, предопределяющих специфику протекания процессов в общественном и политическом пространстве, от которых зависит благополучие государства. Базирующиеся на таком понимании социальности практики управления складываются постепенно.

Отметим в этой связи, что термин «биополитика» в русскоязычной научной литературе обыкновенно рассматривается в двух разных значениях: в значении направления биополитических исследований и научных подходов, что в англоязычной литературе по смысловой нагрузке соответствует понятию «biopolitics»; и в значении совокупности практик политического характера, в полномочия и задачи которых входят администрирование жизни и смерти, политика в области продовольствия, а также практического приложения биополитических разработок, что по своей смысловой нагрузке соответствует в английском языке термину «biopolicy» [7, с. 134].

На данный момент развития этой области исследований, с точки зрения автора данной статьи, подобный подход следует считать наиболее аргументированным и обоснованным. Однако существуют и другие точки зрения по данному вопросу.

В России ряд авторов предлагает считать «биополитологию» одним из составляющих более широкого понятия «биополитика»¹. Другие авторы говорят о постепенном расширении семантического поля понятия «биополитика» в двух направлениях: первое представляет собой формирование новых терминов посредством объединения традиционных понятий политической науки с корнем «био-» (например, «биолегитимность»), в то время как второе выражается в образовании совокупности терминов, а также «терминологических сочетаний», в которых отсутствует корень «био-», но направленность коих предполагает изучение проблем взаимодействия политики и жизни как таковой (например, «танатополитика», «некрополитика», «политика жизни», «молекулярная политика» и т. п.) [3, с. 65].

При всех видимых различиях реализации власти в зависимости от государственного устройства и внутренней специфики организации общим

¹ См., напр., С. А Кравченко [7].

трендом реализации биовласти становится стремление последней стать как можно более незаметной, что позволяет повысить её общую эффективность [4, с. 74]. Это означает, что объект биовластного воздействия перестаёт осознавать оказываемое на него управленческое влияние, воспринимает реализуемые решения как нечто имманентное самому себе (биовласть начинает реализовываться в качестве индуктивного управления, когда объект считает, что стимулы его поведения находятся в нём самом, а не ниспосланы извне). В процессе последующего развития медицинского знания и медицины как таковой власть приобретает новые инструменты и механизмы контроля и управления людьми посредством культивирования их собственного желания и потребности в более качественной и продолжительной жизни. Следствием этого становится возникновение специфических областей реализации биовласти, например, таких как биотехнологии, в рамках которых подход М. Фуко приобретает новое концептуальное оформление и наполняется новыми смыслами.

В новых концепциях биополитики, таких как политика жизни, антропо-политика, этнополитика и т. п., вопрос о реализации управления жизнью человека и людей как биологического вида в изменяющихся условиях рассматривается по-разному. В частности, выделяется концепция молекулярной политики (Д. Рейд, М. Дилон, М. Флауэр, Д. Хит), в рамках которой в качестве объекта реализации современных биополитических стратегий управления выступают уже не сами люди, а генофонд, что поднимает вопросы о возможностях его изменения [3, с. 63]. В рамках данного подхода биология как наука превращается в инструмент, благодаря которому могут быть реализованы стратегии изменения и трансформации жизни [25, р. 94].

БИОПОЛИТИКА В XXI В.

Отметим также, что в XXI в. характер биополитики меняется – она становится глобально-сетевой (с точки зрения М. Кастельса, способствует формированию сообществ сетевого типа), неолиберальной (что означает отрицание идеи государства всеобщего благосостояния при сохранении общих принципов рациональности, сциентизма и прагматизма, которые продолжают реализовываться, но уже не на отдельно взятой территории, а в масштабе планеты). Лицом неолиберальной биополитики глобального масштаба выступает «зелёная революция», подразумевающая, в том числе, возникновение агробизнеса, сетью своих коммуникаций опутавшего весь мир, благодаря чему он имеет возможность администрировать во взаимозависимом мире производство питания, размещая наиболее оптимальным образом структуры производства, рационализируя сорта злаков и овощей через применение биотехнологий, определяя конфигурацию глобальных потоков.

Кроме того, современная биополитика всё больше ориентируется на комплексный, с одной стороны, и проектный, быстро изменяющийся характер не только современного производства, но и стиля жизни, с другой.

Американский экономист Г. Дейли предложил концепцию «полного мира» [17], которая может быть успешно рассмотрена в условиях современности с позиции её биополитических аспектов, а также использована для объяснения доминирующих трендов в контексте применяемых аспектов биополитики. В данной концепции присутствуют эколого-экономические и технологические компоненты, которые способствуют пересмотру и расширению понятия «биополитика» в сравнении с коннотациями, используемыми М. Фуко, что позволяет детерминировать биополитику как ряд антикризисных мер и совокупность основанных на «всеобщей политической рациональности» [1, с. 69] стратегий. Авторы Римского клуба в 2018 г. подготовили и впоследствии опубликовали доклад, в рамках которого была обозначена специфика эпохи «полного мира», основной тренд которой заключается в изменении характера процесса принятия решений национальными государствами с единоличного и суверенного на консенсусный. Это означает, что в наши дни процесс естественного развития человечества провоцирует возникновение катастроф планетарного масштаба, вследствие чего отдельные государства более не имеют возможности и права принимать решения по ликвидации и предотвращению опасностей, угроз и их последствий самостоятельно, а вынуждены в условиях перманентно сохраняющейся нестабильности учитывать всю комплексную сложность причинных факторов возникающих разрушений (т. е., например, проблемы экологической направленности неразрывно переплетаются с политическими, экономическими и иными аспектами социальной жизни).

Проблемы XXI в. способствовали неформальному стиранию межгосударственных границ, когда опасности наподобие взрыва атомной электростанции в Чернобыле и последующего радиоактивного заражения местности спровоцировали вопрос о невозможности государств отграничить себя, казалось бы, от не имеющих к ним отношения угроз, так как планета имеет свои природные законы существования и развития, а также физические пространственные ограничения, которые человечеству пока не удалось преодолеть или скорректировать.

В рамках доклада Римского клуба его авторы призывают изменить привычный подход к принятию политических решений в международном масштабе, а также объединиться лицам, принимающим решения, с целью выработки современных, актуальных сегодняшнему дню биополитических стратегий, включающих в себя антикризисные меры и алгоритмы противодействия рискам, которые были бы наиболее эффективными в условиях современного «полного мира», где превышение допустимых природой экс-

терналий² [16] провоцирует необходимость изменения привычного алгоритма выбора и реализации решений. Это означает необходимость осознания смены типа рациональности, присущей работам Фуко, на новый тип «политической рациональности, основанной на всеобщем понимании кризисных условий сегодняшнего дня» [1, с. 73].

Помимо прочего, некоторые политологи, такие как П. Дуткевич, Д. Б. Казаринова, говорят о возникновении нового политического феномена современности – «страха как политики», в качестве компонента реализации которого можно рассматривать процесс насаждения культуры опасности, который способствует изменению формы, методов, а также целей современной политической реальности [6, с. 9]. При подобном подходе к управлению страх превращается из инструментального орудия политики в саму сущность политики, способ легитимации власти. Британский социолог З. Бауман определял политику как «способность принимать решение о том, что должно быть сделано, и выбирать приоритеты» [19, р. 189]. При реализации страха как политики страх выступает в качестве базовой предпосылки процесса принятия решений, т. к. наличие тех или иных угроз становится стимулом для осуществления выбора тех или иных управленческих мер. Страх также превращается в критерий отбора необходимых для реализации решений и критерий содержательного наполнения реализуемых мер.

Угрозы и опасности существовали всегда, однако в настоящее время ситуация усугубляется перманентным состоянием протяжённой во времени неопределённости, которая страшит людей и в условиях которой последние начинают испытывать беспричинное чувство беспокойства, растерянности, «неспособности действовать решительно и уверенно»³ [6, с. 12]. Подобному состоянию «текущего страха», который не имеет локализованных и чётко определённых источников, крайне трудно противостоять, что лишь усугубляет степень интенсивности его пугающей сущности. Однако некоторые

² Стоит отметить, что в контексте теории рационального выбора разработка концепции экстерналий была вызвана необходимостью учёта проблемы дефицита общественных ресурсов. В рамках указанного направления исследований «экстерналии» – это неконтролируемые последствия действий субъекта, которые влияют на лиц, непосредственно не принимающих участия в рыночном обмене. В условиях достижения экстерналиями значительных показателей даже самые рациональные модели теряют способность обеспечивать оптимальное распределение ресурсов (пример подобных негативных экстерналий – подрыв экологии путём загрязнения окружающей среды). Проблема экстерналий рассматривается и анализируется в работах Дж. Бьюкенена и Г. Таллока, а также Р. Коуза. Р. Коуз разработал теорему, согласно которой внешние эффекты не возникают в случае наличия чёткого предписания прав собственности, а также при чётком соблюдении акторами результатов добровольного обмена.

³ Ш. Винт, дополняя взгляды З. Баумана, придерживается позиции, в соответствии с которой страх, присущий эре глобализации, является по своей сути специфическим, вследствие чего не может быть рассмотрен через призму подхода Гоббса, понятия «тревоги», характерного учениям З. Фрейда или М. Хайдеггера, поскольку указанные подходы рассматривают внешние факторы и причины в качестве стимулов.

исследователи, например В. Л. Иноземцев, считают, что наибольший вред в подобной ситуации оказывает не столько сам специфический страх, сколько источаемый им парализующий эффект, который не позволяет людям осознать новый порядок вещей, взять его под свой контроль, хотя бы частичный, и направить себе на пользу [6, с. 13].

В наши дни, согласно позиции профессора Калифорнийского университета в Риверсайде Ш. Винта, реальность представляется текучей субстанцией, в которой государство потеряло способность эффективно выполнять свои обещания касательно защиты населения, поскольку глобальный капитализм в силу своей природной непредсказуемости ослабил социальную стабильность, от сохранения которой зависит возможность соблюдения указанного обещания; в то же время характерные «несправедливости этой системы продуцируют контекст физической угрозы личной безопасности» [6, с. 13].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно сделать вывод о комплексном и междисциплинарном характере понятия «биополитика». На современном этапе развития поле биополитики является нестабильным, подверженным флуктуациям и постепенному развитию. Благодаря этому исследователи имеют возможность фиксировать актуальные трансформации социально-политической реальности. Биополитология также начала приобретать всё более практико-ориентированный характер, вследствие чего разрозненные и тематически, казалось бы, не связанные между собой исследования стало ещё более проблематично подводить под единые основания. Однако это открывает широкие возможности использования методологии и технологических разработок из данной области при реализации практик управления населением с помощью специфической организации устройства городского пространства или психологического воздействия, посредством конструирования виртуальной реальности восприятия людьми имеющейся действительности. Таким образом, можно говорить о том, что на данный момент новая парадигма биополитики находится ещё в процессе своего становления, который не может быть краткосрочным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аласания К. Ю. Биополитические аспекты концепции «полного мира» // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 2. С. 69–74.
2. Аласания К. Ю. Биополитика как реальность и стратегия. Взгляд М. Фуко // Философия политики и права. 2018. № 9. С. 33–40.
3. Аласания К. Ю. «Биополитика»: интерпретации и смыслы в современном социально-политическом знании // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 1 (62). С. 60–67.

4. Аласания К. Ю. Философская концепция биовласти: истоки и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2018. № 4. С. 70–78.
5. Брызгалина Е. В. Индивидуальность человека. М.: Институт молодёжи, 2000. 336 с.
6. Дуткевич П., Казаринова Д. Б. Страх как политика // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 8–21.
7. Кравченко С. А. Риски и вызовы еды: необходимость гуманистической биополитики // Полис. Политические исследования. 2015. № 5. С. 139–152.
8. Олескин А. В. Биополитика: Политический потенциал современной биологии: философские, политологические и практические аспекты. М.: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2001. 423 с.
9. Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1985. 312 с.
10. Степанов В. С. Цивилизационное состояние общества с точки зрения биополитологии // Клио. 1999. № 1. С. 18–24.
11. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / пер. с фр. А. В. Дьякова. СПб.: Наука, 2010. 448 с.
12. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с фр. Б. М. Скуратова; общ. ред. В. П. Большакова. М.: Праксис, 2006. 320 с.
13. Чешко В. Ф., Глазко В. И. High Hume (биовласть и биополитика в обществе риска): учебное пособие. М., 2009. 319 с.
14. Blank R. H., Hines S. M. Biology and Political Science. New York: Routledge, 2001. 183 p.
15. Caldwell L. K. Biopolitics: science, ethics and public policy // Yale Review. 1964. Vol. 54. № 1. P. 1–16.
16. Coase R. H. The problem of social cost // Journal of Law and Economics. 1960. № 3. P. 1–44.
17. Daly H. Ecological Economics and Sustainable Development. Cheltenham: Edward Elgar Pub., 2007. 270 p.
18. De Vries G., Subedi J. Bioethics and Society. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall, 1998. 276 p.
19. Dutkiewicz P., Sakwa R. 22 Ideas to Fix the World. Conversations with the World's Foremost Thinkers. New York: New York University Press, 2013. 466 p.
20. Falger V. S. E. Proximate Solutions and Ultimate Analysis: Ethnic Conflicts Do Not Fit the Scheme // Politics and the Life Sciences. 1997. Vol. 16. № 2. P. 254–256.
21. Flohr H. Unsere biokulturelle Natur: für die Beachtung der Biologie bei der Erklärung menschlichen Sozialverhaltens // Menschliches Handeln und Sozialstrukturen / hrsg. A. Elting. Opladen: Lesko und Budrich. 1986. P. 43–65.

22. Flohr H., Tönnemann W. Selbstverständnis und Grundlagen der Biopolitics // Politik und Biologie. Beiträge zur Life-Science-Orientierung der Sozialwissenschaften / ed. A. Somit, R. Slagter. Berlin; Hamburg: Verlag Paul Parey, 1983. P. 11–31.
23. Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity, 1990. 188 p.
24. Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity, 1991. 264 p.
25. Lemke T. Bio-Politics. An Advanced Introduction. New York; London: New York University Press, 2011. 158 p.
26. Masters R. D. Biology and politics: linking nature and nurture // Annual Review of Political Science. 2001. Vol. 4. P. 345–369.
27. Reiter H. Unsere Biopolitik und das Ausländedeutschum. In Das Reichsgesundheitsamt 1933–1939: Sechs Jahre nationalsozialistische Führung. Berlin: Julius Springer Verlag, 1939. 374 p.
28. Somit A. Biology and politics. Paris: Mouton, 1976. 330 p.
29. Van der Deenen J. The politics of peace in primitive societies: the adaptive rationale behind corroboree and calumet // Indoctrinability, Ideology and Warfare / ed. I. Eibl-Eibesfeldt, F. K. Salter. New York; Oxford: Berghahn books, 1998. P. 151–185.
30. Vlavianos-Arvanitis A. Biopolitics – dimensions of biology. Athens: Biopolitics International Organization, 1985. 256 p.

REFERENCES

1. Alasania K. Yu. [Biopolitical aspects of the “full world” concept]. In: *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2019, no. 2, pp. 69–74.
2. Alasania K. Yu. [Biopolitics as reality and strategy. M. Foucault's view]. In: *Filosofiya politiki i prava* [Philosophy of politics and law], 2018, no. 9, pp. 33–40.
3. Alasania K. Yu. [“Biopolitics”: Interpretations and Meanings in Modern Social and Political Knowledge]. In: *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2020, no. 1 (62), pp. 60–67.
4. Alasania K. Yu. [Philosophical concept of biopower: sources and perspectives]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya* [The Bulletin of Moscow University. Series 7: Philosophy], 2018, no. 4, pp. 70–78.
5. Bryzgalina E. V. *Individual'nost' cheloveka* [Human individuality]. Moscow, Institut molodezhi Publ., 2000. 336 p.
6. Dutkiewicz P., Kazarinova D. B. [Fear as politics]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2017, no. 4, pp. 8–21.
7. Kravchenko S. A. [Risks and Challenges of Food: The Need for Humanistic Biopolitics]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2015, no. 5, pp. 139–152.
8. Oleskin A. V. *Biopolitika: Politicheskii potentsial sovremennoi biologii: filosofskie, politologicheskie i prakticheskie aspekty* [Biopolitics: The Political

- Potential of Modern Life Sciences]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2001. 423 p.
9. Peccei A. *Chelovecheskie kachestva* [The human quality]. Moscow, Progress Publ., 1985. 312 p.
 10. Stepanov V. S. [The civilizational state of society from the point of view of biopolitics]. In: *Klio* [Klio], 1999, no. 1, pp. 18–24.
 11. Foucault M. Naissance de la biopolitique : cours au collège de France (1978–1979) (Rus. ed.: Dyakov A. V., transl. *Rozhdenie biopolitiki. Kurs lektzii, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1978–1979 uchebnom godu*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010. 448 p.).
 12. Foucault M. Les intellectuels et le pouvoir : articles, discours et entretiens politiques sélectionnés (Rus. ed.: Scuratov B. M., transl., Bolshakov V. P., ed. *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu*. Moscow, Praxis Publ., 2006. 320 p.).
 13. Cheshko V. F., Glazko V. I. *High Hume (biovlást' i biopolitika v obshchestve riska)* [High Hume (bio-power and bio-policy in society of risk)]. Moscow, 2009. 319 p.
 14. Blank R. H., Hines S. M. *Biology and Political Science*. New York, Routledge, 2001. 183 p.
 15. Caldwell L. K. Biopolitics: science, ethics and public policy. In: *Yale Review*, 1964, vol. 54, no. 1, pp. 1–16.
 16. Coase R. H. The problem of social cost. In: *Journal of Law and Economics*, 1960, no. 3, pp. 1–44.
 17. Daly H. *Ecological Economics and Sustainable Development*. Cheltenham, Edward Elgar Pub., 2007. 270 p.
 18. De Vries G., Subedi J. *Bioethics and Society*. Englewood Cliffs, New Jersey, Prentice Hall, 1998. 276 p.
 19. Dutkiewicz P., Sakwa R. *22 Ideas to Fix the World. Conversations with the World's Foremost Thinkers*. New York, New York University Press, 2013. 466 p.
 20. Falger V. S. E. Proximate Solutions and Ultimate Analysis: Ethnic Conflicts Do Not Fit the Scheme. In: *Politics and the Life Sciences*, 1997, vol. 16, no. 2, pp. 254–256.
 21. Flohr H. Unsere biokulturelle Natur: für die Beachtung der Biologie bei der Erklärung menschlichen Sozialverhaltens // *Menschliches Handeln und Sozialstrukturen* / hrsg. A. Elting. Opladen, Lesko und Budrich, 1986, p. 43–65.
 22. Flohr H., Tönnemann W. Selbstverständnis und Grundlagen der Biopolitics. In: Somit A., Slagter R., eds. *Politik und Biologie. Beiträge zur Life-Science-Orientierung der Sozialwissenschaften*. Berlin, Hamburg, Verlag Paul Parey, 1983, pp. 11–31.
 23. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Cambridge, Polity, 1990. 188 p.
 24. Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge, Polity, 1991. 264 p.
 25. Lemke T. *Bio-Politics. An Advanced Introduction*. New York, London, New York University Press, 2011. 158 p.

26. Masters R. D. Biology and politics: linking nature and nurture. In: *Annual Review of Political Science*, 2001, vol. 4, pp. 345–369.
27. Reiter H. Unsere Biopolitik und das Ausländedeutschum. In *Das Reichsgesundheitsamt 1933–1939: Sechs Jahre nationalsozialistische Führung*. Berlin, Julius Springer Verlag, 1939. 374 p.
28. Somit A. Biology and politics. Paris, Mouton, 1976. 330 p.
29. Van der Deenen J. The politics of peace in primitive societies: the adaptive rationale behind corroboree and calumet. In: Eibl-Eibesfeldt I., Salter F. K., eds. *Indoctrinability, Ideology and Warfare*. New York, Oxford, Berghahn books, 1998, pp. 151–185.
30. Vlavianos-Arvanitis A. Biopolitics – dimensions of biology. Athens, Biopolitics International Organization, 1985. 256 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 18.08.2021

Статья размещена на сайте: 16.02.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кузнецова Анастасия Александровна – аспирант кафедры истории и теории политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; e-mail: ace96@inbox.ru

Anastasia A. Kuznetsova – Postgraduate Student, Department of History and Theory of Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: ace96@inbox.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Кузнецова А. А. История становления биополитики как направления политологических исследований // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Kuznetsova A. A. History of biopolitics' formation as an approach of political studies. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru